

Если сказал "А". "Современные записки" и их авторы.

Опубликовано 08.04.2012 16:00

Иван Толстой: "Современные записки" - главный и лучший журнал Первой волны русской эмиграции. 70 толстых томов вышли с 1920 по 1940-й год. Весь цвет изгнания напечатан здесь. Назовите любое эмигрантское громкое имя – и вы найдете на страницах этого журнала стихи, прозу и публицистику. Содержание журнала столь значительно, что недавно одно из петербургских издательств приступило к факсимильному переизданию всех номеров с научным комментарием. А параллельно, в Москве в издательстве "Новое литературное обозрение", выходят тома, содержащие редакционную переписку журнала. Обнаружение этой переписки стало крупной научной сенсацией последних лет: казалось ведь, что вместе с гибелью русского Парижа в 1940-м году, бесследно исчезли и архивы русских редакций – таких газет, как "Последние новости" или "Возрождение". Печальной казалась участь тех исследователей, которые пожелали бы восстановить содержание и дух отношений редакторов и авторов главных периодических изданий той эпохи.

Поэтому переписка "Современных записок" с писателями и публицистами подробна, ну, я не знаю, костям хомо сапиенса в интереснейшую эпоху.

Сперва "Новое литературное обозрение" выпустило сборник статей по истории издания (условно говоря, нулевой том), в котором ученые из разных стран освещают разнообразные аспекты эмигрантского издательского дела. Затем появился первый том, в котором редакторы эпистолярно общаются друг с другом, и, наконец, передо мной второй том, озаглавленный "Современные записки: Из архива редакции".

Переписка распределена в алфавитном порядке. Сперва – писатели на букву "А".

*Нам суждено бездомничать и лгать,
Искать дурных знакомств, играть нечисто,
Нам слаще райской музыки внимать —
Два пальца в рот! — разбойничьему свисту.
Да, мы бродяги или шулера,
Враги законам, принципам, основам.
Так жили мы и так умрем. Пора!
Никто ведь и не вспомнит добрым словом.
И все-таки, не знаю почему,
Но твердо верю, — о, не сомневаюсь! —
Что вечное блаженство я приму
И ни в каких ошибках не раскаюсь.*

Это стихотворение поэта на букву "А" – Георгия Адамовича. А мой собеседник в студии – один из составителей и комментаторов этого огромного проекта, а также исследователь творчества Адамовича Олег Коростелев.

Олег Анатольевич, вышел второй том, так что вы не остались на первой букве и, прежде всего, позвольте вас от всей души поздравить с еще одним кирпичом. И теперь уж точно этими книгами можно убить впечатлительного человека, потому что такое количество информации, которое содержится уже в первом и во втором томе, конечно, превосходит все мечты. Кажется теперь: чем мы занимались до этого, до выхода этих томов? Давайте, прежде всего, поговорим о сходстве и разнице тома 1 и тома 2. Чем отличается второй том от первого?

Олег Коростелев: Первый том представлял из себя внутриредакционную переписку, то есть переписку редакторов друг с другом. В каком-то смысле это самый интересный том, поскольку там раскрываются многие редакционные тайны, а также присутствуют непредвзятые отзывы, то есть не предназначенные для ушей читателей и, даже, авторов - именно то, что редакторы думали о них в частных разговорах друг с другом. Это бывает очень интересно и даже неожиданно, когда читаешь, например, из уст редакторов, что всякие тут у нас авторы молодые, типа Сирина-Набокова, которых можно и не печатать... Это немножко изумляет, тут только начинаешь понимать, насколько репутация складывается постепенно, а не так уж неожиданно, и что нынешние классики для кого-то когда-то могли казаться начинающими непрофессионалами, которые только-только взяли за перо, и им нужно было доказывать свое право на бессмертие. Так вот, в отличие от первого тома, второй том представляет из себя переписку этих же самых редакторов, но с авторами, с самыми лучшими авторами из того гигантского корпуса писем, которые сохранились, потому что напечатать все, думаю, было бы невозможно, по крайней мере в этих четырех кирпичах, которые запланированы. Убить ими можно не только фигурально, но и абсолютно реально, каждый из них весит полтора килограмма и, тем не менее, там только ведущие авторы - от Адамовича, Алданова, Бунина и Бицилли до Шмелева включительно, который появляется в четвертом томе.

Так вот, переписка редакторов с авторами гораздо более вежливая, светская и деловая. Там, конечно, вольности позволялись в меньшей степени и очень хорошо видно, при сопоставлении этих двух томов, насколько разные редакторы по-разному вели себя с авторами, а также друг с другом. Очень хорошо заметно, как Фондаминский, главный "уговаривающий" в редакции, относился с пиететом к авторам, выпрашивал у них текст, умолял принести, они приносили, после чего в роль вступала редакция, Вишняк мрачно говорил нечто, если перевести на наш грубый советский язык, что ходят тут всякие, таскают, идите в очередь, сукины дети. Вот нечто такое вот. Очень забавно получается.

И видно, как тот же Фондаминский, уговаривая всех, прямо заискивая перед ними, в редакции немножко менял тон и говорил, что хорошо бы, конечно, но давайте выберем из этих трех неплохих, самых лучших, а остальные подождут. Все-таки тон немножко менялся. И это было объективно - журнал не резиновый, не мог включить все, к сожалению, а включал только самое лучшее. Для читателя, даже современного, это получилось и в пользу. В результате, он получил самые сливки, самые выжимки, лучших из лучших.

Георгий Адамович

Иван Толстой: Давайте откроем оглавление второго тома и посмотрим на эти имена. Георгий Викторович

Адамович такой уже классик XX века стал, и по тому, что он сделал, и по тому, что вы были редактором и составителем собрания сочинений Адамовича (увы, еще не завершено, насколько я понимаю, просто по техническим, издательским причинам), в любом случае, Георгий Адамович - это центральная фигура истории русской литературной эмиграции. Каким он предстает в этом томе, в переписке с редакцией "Современных записок", какие новые грани мы узнаем?

Олег Коростелев: Я надеюсь, классиком Адамович стал бы и без моего участия, хотя, честно признаться, доказывать, что он классик, пришлось долго. Это не сразу вошло в умы и сердца всех читателей, слишком уж он был малоизвестен и не издан. Во всяком случае, в последние двадцать лет количество появившихся изданий, вводящих его в оборот, было так велико, что теперь даже уже трудно представить, что когда-то были только случайные его стихотворения в антологиях и случайные перепечатки его многочисленных статей, настолько многочисленных, что даже трудно себе представить. Совсем недавно появилась библиография его публикаций только в одной газете русской эмиграции "Последние новости". В ежегоднике "Дома русского Зарубежья" появился такой материал, несколько печатных листов. Так вот, количество публикаций Адамовича в единственной газете с 1928 по 1940 год - более 2000! Это нечто невероятное, я бы так не сумел и очень этому завидую. Более того, этому завидовала, скажем, Зинаида Николаевна Гиппиус, которая говорила: "Хорошо у вас получается, а вы еще жалуетесь. Да получайся у меня такое, я бы только это и писала". Вот поэтому классиком он считался уже в 30-е годы. При жизни, во всяком случае, в глазах молодого поколения эмигрантских литераторов он был, безусловно, классик, лидер духовный и отец русской демократии — все, что угодно. Уже вскорости после его смерти о нем, если вспоминали, то только в эмиграции, а вот в России он стал выходить только за последние лет десять. Количество публикаций о нем все прибавляется, а фигура его принимает все больший масштаб. И вот, в частности, эта публикация - еще один дополнительный штрих.

Иван Толстой: А каковы были взаимоотношения Адамовича и "Современных записок"?

Олег Коростелев: Тут самое любопытное, скорее, то, кем он не стал для "Современных записок". Получилось так, что в эмиграции почти каждое уважающее себя печатное издание - литературно-художественное, литературно-критическое - имело собственного критика, который как бы позиционировал себя как критик, как лидер этого издания. Вот с "Современными записками" так вышло, что критика не сложилась, и я думаю, что в этом как раз (нельзя это назвать заслугой), но, скорее, вина самой редакции. Они именно к этому стремились. Если консультантов по прозе и по поэзии они все-таки в редакцию взяли, Цетлин и Степун исполняли эти роли довольно успешно, то, видимо, они рассудили, что в критике они сами разберутся, что им надо. И, несмотря на все пожелания, Фондаминский очень хотел, чтобы стал таким критиком именно Адамович. На эти роли выдвигались и Гиппиус, и Бем, и самые разные другие критики (все-таки в эмиграции чего-чего, а хороших, даже великолепных, критиков хватало), но ни один из них не стал полностью своим, даже Бицилли, который опубликовал больше всех в "Современных записках", все равно они их держали немножко отстраненно, использовали только в качестве авторов, причем авторов близких к редакции, но не имеющих право говорить от лица самой редакции. Такого не сложилось, в том числе не стал таким автором для "Современных записок" и Адамович. Судя по каким-то косвенным недомолвкам в письмах, это было по вине Вишняка. В письме Вишняка Фондаминскому присутствует одна фраза:

"Не думаешь же ты всерьез, что я отталкиваю людей (Алданов и Адамович) только потому, что я такой нехороший. Просто у меня другие отношения с людьми, другая манера с ними разговаривать".

Судя по всему, нечто такое было. Фондаминский Адамовича пытался привлечь, а Вишняк его тихонько отстранял, потому что он и сам подвизался по части критики. И потом Адамович был не эсер и не партийный - видимо, Вишняка это тоже немножечко раздражало. В письмах его присутствует то, что читал статьи Адамовича, написано блестяще, художественно, литературно, но это все такая литературщина и козерство светское, не политическое очень.

Иван Толстой: А Адамовича сколько-то смущало такое отношение к нему, у него были авторские амбиции?

Олег Коростелев: У него не было политических амбиций. Настолько не было никогда, что в послевоенное время все это доходило до достаточно забавных вещей. Тогда он был уже мэтр из мэтров, и его пригласили возглавить газету. Газета, в результате, так и не состоялась, и я подозреваю, что не состоялась она именно потому, что, о чем он написал в письме своему ближайшему другу Бахраху, с которым он общался абсолютно свободно, примерно как Пушкин с Вяземским - всегда светский и скованный, здесь он распоясывался, рассказывал анекдоты, говорил неприличные вещи, рассказывал слухи и все прочее. Так вот, там была фраза: "Но имейте в виду, что нас приглашают серьезные и солидные люди. Если вы опять начнете ржать, они поймут, что мы из себя представляем". И я думаю, что, объективно, они именно это из себя представляли. Просто литераторы, которым было глубоко наплевать на всех эсеров, кадетов и все остальные партии, включая большевиков.

А вот писательские амбиции, разумеется, были, и очень серьезные. Но это ведь далеко не всегда совпадает. Мэтр и лидер писательского движения и мэтр и лидер политического движения может иногда совпадать, а могут быть принципиально разные вещи. Так вот, у него это не совпадало. У него было свое движение, своя вот эта вдохновенная им "Парижская нота", очень странное явление, породившее целый пласт аналогов, похожих таких нот, - после "Парижской ноты" были "Пермская нота", "Иерусалимская нота", и этих нот уже сейчас десятки. Но прототипом была именно "Парижская нота", и лучше ее не было выдуманно - в сущности, это было последним литературным движением настоящим XX века, после этого все было не настолько серьезным.

Иван Толстой: А propos. Политическая индифферентность Адамовича. Олег Анатольевич, как вы интерпретируете сразу послевоенное советофильство Георгия Викторовича, с чем это было связано?

Олег Коростелев: Я думаю, это просто факт его биографии. Дело в том, что вся его юность прошла в кругах петербургских, это был кружок Кузмина, Гумилева, это было сугубо эстетское нечто. Об этом очень точно сказала Берберова, что это были люди, которые стремились просто не замечать советскую власть, в их глазах ее просто не существовало, и одно ее упоминание было какой-то неприличностью. Они жили как до того, как без нее. Они не были ни антисоветчиками, ни советчиками, ее просто не существовало в их глазах. И Адамович, существо жеманное, эстетское, сверхчувствительное, нежное и какое-то страшно стесняющееся, на самом деле, он все это пытался подавить, поскольку он был человек, у которого и отец, и дядя, и деды, все были кадровыми военными на царской службе, офицерами, генералами, он единственный был из них шпаком таким светским.

Началось это с того, что он в детстве выиграл в шахматы и у отца, и у всех остальных, и отец милостиво разрешил - пусть будет, ладно, толку с него военного не будет, пусть будет таким. И он стал литератором, единственным из всего рода. И он, в отличие от всех, не был призван на службу, хотя всерьез это переживал. Осталось у него в записках, и у Георгия Иванова, который над ним несколько подтрунивал, что переживал это всерьез, писал о войне, а сам не пошел. Так вот, когда настала Вторая мировая война, он, несмотря на свои 50 лет,

решил все-таки исправить это и отправился на фронт добровольцем. Никакого фронта там не было из-за этой смешной войны и, вообще, повоевать-то ему толком не удалось, но маршировал в сапогах, а - самое главное — подал пример. Вслед за ним пошли и Варшавский, и многие другие, которые воевали всерьез и получали серьезные награды военные. Так вот, он для них и здесь оказался лидером.

То есть, я думаю, что его "покраснение" после войны было уже продолжением вот этой его деятельности. Он всерьез воевал с фашизмом. В его глазах это звучало так, со стороны это могло казаться немного смешным. Георгий Иванов над этим откровенно смеялся. Человек в 50 лет надел солдатские сапоги - нелепо как-то. Наверное, в каком-то смысле нелепо, сделать он ничего не смог, но ведь побуждения были самые серьезные, и я в него камень не брошу.

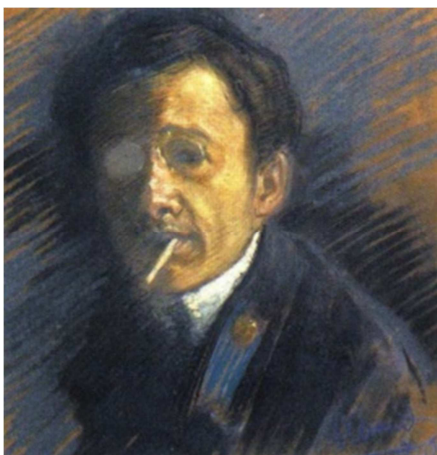
Иван Толстой: Ни в коем случае! Человек сделал такой выбор.

Олег Коростелев: Постарался сделать так, как он хотел. Поэтому, когда наступил уже 1945 год, это было естественным продолжением. В Европе, в отличие от Америки, было только два фронта. Там вопрос стоял четко: с кем вы - с Гитлером или со Сталиным? И третью силу легко было искать в Америке, а в Европе никто особо не спрашивал, потому что там, если ты не попал в один лагерь, то, соответственно, на тебя смотрели как на человека из второго, и было очень трудно отказаться. Объективно получалось так. И вот он сделал свой выбор, он встал на эту сторону антифашистскую, вынужден был быть на стороне Милюкова, грубо говоря, а Милюков тоже, между прочим, так же как и Деникин, участвовал в этом "покраснении". Временном, легком, но "покраснении".

У Адмовича позже это прямым текстом в письме тому же Бахраху и Алданову сказано, что когда начинают упрекать: "Как же вы в 1945 году заигрывали с этим...", он говорит (он не оправдывается): "Мы так думали, мы считали так". В то время посмотрел бы я на них, чтобы он жил здесь и говорил бы как-то по-другому. Тогда выбор был один. Многие из его друзей были коллаборационистами. Так их судьба развела. Они были в оккупации, они работали на немцев, так было. Некоторые выбрали другую стезю, она оказалась красная. Выбор невелик был. Они же не могли так, как люди в Нью-Йорке говорить, им хорошо было за океаном, над ними не капало, а вот здесь было так. Я слышал от многих старых эмигрантов, что они ухитрились находить третий путь, живя в Париже. Возможно. Но я почему-то подозреваю, что таких было меньше, чем тех, кто решил бороться, кто словом, а кто и с оружием в руках на какой-то конкретной стороне. Вот Адамович выбрал себе такую стезю. Очень долго занимаясь тем поколением, я сейчас уже не брошу камень ни в одну из сторон, потому что мне видно, насколько это было серьезно тогда и насколько это сейчас кажется огрубленным и окарикатуренным.

Вот один из моих приятелей из белорусской деревни рассказал такую притчу, что в их деревню с фронтов из всего мужского населения вернулись семеро мужиков, всех остальных поубивало. И, как на грех, просто до смешного - каждый из них воевал в совершенно другой армии. Один в Красную был мобилизован, другой попал в Армию Людову, третий в Армию Крайову, четвертый был в партизанах. В общем, получилось так, что все семь воевали в самых разных, чуть ли не друг с другом. И сейчас (лет 30 назад это было) они все собирались между собой, вшестером, пили, а седьмого не брали - он служил в НКВД. Но не брали они его не за это, как они говорили, а за то, что сволочь. Просто собирались, пили и рассказывали - кто, как, где. Они все так и продолжали быть своими же мужиками, никто друг друга не обвинял, просто так у них сложились судьбы.

И вот я эту притчу, хотя это реальность жизни, до сих пор воспринимаю как самую актуальную и точно предающую то время. Потому что из этого поколения, которым я занимаюсь, получилось, что все они тоже где-то воевали на стороне генерала Франко, против генерала Франко, в Парагвае, в Уругвае, где угодно - все это поколение участвовало во всех войнах XX века, причем, на самых разных сторонах. При этом продолжая писать стихи, публиковаться, спорить друг с другом, обижать и оскорблять друг друга. Вот у них была литературная жизнь и их такая общественно-политическая, военная и прочая. Все они остаются для меня по-своему интересными, и обвинить я могу только тех, кто сволочи. А все остальные сделали свой выбор, у них были такие убеждения. И сейчас, рассматривая то время, у нас это все сводится к двум-трем актуальным сейчас позициям, а на самом деле, когда начинаешь смотреть, сколько же их было - "крестьянороссов", "третьероссов", "утвержденцев" - были сотни и разобраться в этих хитросплетениях сейчас для нас просто лень большинству, потому что кабы два, так мы бы поняли, а там сто, да где же мне в этих всех хитросплетениях разобраться. А для них это была реальная жизнь и они вполне могли ругаться за какой-то нюанс, за то что "как же вы могли в своем журнале опубликовать этого, он написал о Муссолини хорошо? Я больше никогда ни ногой". И для них это все была реальность. Поэтому изучать это исключительно интересно, а обвинять на основании каких-то случайных вещей - я на себя такую ответственность взять не могу.

Юрий Анненков

Иван Толстой: Олег Анатольевич, давайте остановимся на фигуре, которая, думаю, что не ошибусь, если скажу, что известна меньше других. Я имею в виду художника Юрия Анненкова, который писал под псевдонимом Борис Темирязов. Да, мы знаем и многие произведения живописи и графики Юрия Павловича, и его "Повесть о пустяках", которая издана, как минимум, дважды - один раз шикарно, другой раз скромнее - и все же этот писатель не на слуху, несмотря ни на что, только в узком профессиональном кругу о нем говорят. Познакомьте, пожалуйста, слушателей сегодняшней программы с Юрием Анненковым как писателем, как прозаиком и, если можно, расскажите о его взаимоотношениях с "Современными записками".

Олег Коростелев: С одной стороны, Анненков - это едва ли не самая большая знаменитость из представленных здесь авторов, только вот знаменитость, конечно, в другом жанре, а как писатель... Ну, он начал карьеру писателя, когда уже был знаменитостью.

Иван Толстой: Потому, может быть, и прибег к псевдониму?

Олег Коростелев: Конечно, он сделал немножко по-японски - в Японии принято каждые семь лет заново начинать писательскую карьеру под другим именем и проверять, насколько публика, критика и редакторы отнесутся к этому адекватно или начнут к новому, начинающему относиться совсем по-другому. Хороший метод проверки. Анненков именно так и попробовал и, надо сказать, у него все получилось. Совершенно неизвестного автора, какого-то Б. Темирязова, абсолютно неизвестная фамилия, немножко похожа на Климента Тимирязева, хотя там буквы "е" и "и" немножко переставлены, его признали сразу. Первый же его рассказ был отправлен на конкурс знаменитого парижского издания "Звено" под девизом "без подписи", и жесткое жюри, состоящее из Мочульского, Гиппиус и Адамовича рассказ одобрило и включило в конкурсный. Окончательно голосовать должны были читатели. И читатели проголосовали. Первое место было отдано рассказу Темирязова, он был опубликован и получил первую премию, по тем временам, как сейчас помню, тысяча

франков. Невеликие деньги, но, тем не менее. Весь парижский бомонд тут же принялся искать, что же это за новый Гоголь явился, поиски эти продолжались довольно долго, подозревали всех, кто только мог бы написать такое, и тогда, в конце концов, поставили ультиматум, что либо этот автор приходит и мы верим в его существование, либо мы видим, что это литературная шутка и не печатаем.

Вот только после этого является Юрий Анненков и люди были ошеломлены, поскольку чего, чего, но этого они никак не ожидали. Я думаю, что если бы явился Стравинский, они были бы ошеломлены не меньше. Печататься он, тем не менее, продолжал под своим псевдонимом, под именем Анненкова он так и не напечатал ничего, а под именем Темирязева в "Современных записках" опубликовал несколько произведений. Почему он не стал знаменит тогда, как, впрочем, и сейчас, как вы верно говорите, - вопрос сложный. В принципе, его перепечатавают, о нем написано немало очень мощных, фундаментальных статей, больше всех преуспел Александр Данилевский.

Иван Толстой: Тот самый, который публикует переписку с редакцией в этом томе?

Олег Коростелев: Совершенно верно. И тот же, кто опубликовал "Повесть о пустяках" в издательстве Ивана Лимбаха, в исключительно красивом и очень фундаментально подготовленном издании. Он же, могу с добавить, еще входит в число организаторов "Общества друзей Юрия Анненкова", куда вхожу и я. Мы, собственно, когда-то его вместе и организовывали с покойным Рашитом Янгировым и Ириной Обуховой-Зелинской, которая и была главным мотором этого кружка, этого "Общества друзей Юрия Анненкова", она выпускала издания "Общества друзей Юрия Анненкова" как на бумаге, так и в интернете, и это все до сих пор продолжается в ее трудах. Но она больше занимается все-таки Юрием Анненковым как художником, хотя она публиковала и упомянутое вами второе издание "Повести о пустяках" и еще несколько изданий Юрия Анненкова, в частности, мемуары его "Одевая кинозвезд" - она и в этом принимала участие, и во многом другом, связанном с именем Анненкова.

А что касается прозы Анненкова, в Париже он был воспринят как немножечко модернист и, даже, авангардист, а это в Париже не приветствовалось уже году к 1925-му примерно. Если в начале 20-х годов и в Берлине, и в Париже такие авангардистские веяния присутствовали, то года с 25-го, после того, как туда переехал "Цех поэтов", после того, как начали свою пропаганду Адамович, Ходасевич и прочие критики, это все очень быстро сошло на нет и перестало признаваться. И даже самый главный авангардист эмиграции Борис Поплавский наступил на горло собственной песне и начал писать стихи немножечко более подходящие "Современным запискам", чем он писал до того. Насколько он хотел это сделать или все-таки это жест для редакторов, чтобы печатали, сказать трудно. Я думаю, скорее, все-таки второе - в душе он оставался большим авангардистом, чем хотелось бы, но вот даже он на это пошел. Поэтому проза Анненкова была для читателя эмигрантского слишком вычурной и, видимо, слишком левой, может быть, поэтому он не получил такого признания. Почему он не получает его сейчас, это мне уже совершенно непонятно.

Иван Толстой: Раз я предлагал перейти от "А" к "Б", имея в виду просто последовательность томов, давайте и по алфавиту перейдем от "А" к "Б". В этом томе есть интересная публикация "Если хотите меня печатать, терпите. Бунин и "Современные записки". Что можно сказать о взаимоотношениях этих двух полюсов?

Иван Бунин

Олег Коростелев: Это самая крупная публикация тома, она занимает почти четверть из этого гигантского тома, это 290 писем Бунина и его окружения с редакторами "Современных записок", 290 писем, из которых только три печатались ранее. И одна из самых интересных публикаций, поскольку, во-первых, все-таки это Бунин, а Бунин для "Современных записок" был писатель номер один, каждый том отрывался Буниным, если только Бунин соглашался что-то дать. Бунин в эмиграции с самого начала повел себя очень правильно - как капризная суперзвезда первой величины. Это в условиях эмиграции, как и вообще любых новых условиях, всегда очень важно. Мудрый Ходасевич Берберовой сразу же говорил: "Не вздумай печататься в изданиях для молодых, ты останешься молодой вечно, позиционируй себя сразу как просто автор". Так вот Бунин интуитивно это все понимал очень хорошо и въехал не просто старым, маститым или каким-то, он сразу же въехал, ни много, ни мало, в Париж как академик российской словесности, не постеснялся нанести визит президенту республики и предлагал ему как-то заехать в гости, ответный визит нанести. И с редакциями общался немножечко по-барски, как он это умел и любил. И контраст между поведением Бальмонта, который принялся сразу все редакции умолять его печатать, соответственно и ему отвечали тем, что, ладно, напечатаем как-нибудь, если будет время, а вообще-то потом, после всех, так вот Бунина они умоляли дать им что-нибудь, а он долго кобенился, раздумывал, в конце концов, иногда что-то давал, иногда не давал. С "Современными записками" у него роман завязался все-таки основательный и судьбоносный. Он стал для них главным пером, а они для него стали главным журналом. В конце концов, выиграла от союза и тот, и другой - и журнал, и писатель.

Складывалось это все очень непросто, но взаимоотношения были очень любопытные. В бытовом отношении повезло. Дело в том, что один из редакторов "Современных записок" Фондаминский снимал ту же самую виллу на Лазурном берегу, что и Бунин. Они снимали по несколько месяцев в году. 4-5 месяцев жил на вилле Бунин, а остальные 7-8 - Фондаминский. И долгие годы они с Фондаминским дружили в полном смысле этого слова - участвовали в затеях друг друга. Фондаминский уговаривал Бунина печататься по-дружески, чуточку лебезя, но с какой-то такой иронией, очень милой и обаятельной. Можно даже зачитать тексты его писем, как он говорил: "Иван Алексеевич, мы услышали, что думаете что-то не дать в этом номере. Ни в коем случае этого делать нельзя, мы вас умоляем! Без вас редакция выходить отказывается, номера не получается, если вас не будет, то все пропало!". И как-то это немножечко не без иронии, которую всегда можно было отыграть обратно и сказать, что, нет, это просто вежливость. Вот так вот, дружба дружбой, мы вас очень любим и относимся к вам с большим пиететом. И Бунину это льстило, нравилось.

Смуцало его только одно - "Современные записки" платили не такие большие гонорары как, например, "Последние новости", и он всегда имел выбор: либо опубликовать это в "Последних новостях" и получить приличные деньги, либо отдать в "Современные записки", где это будет замечено. На этом Фондаминский всегда играл и все время говорил: "Вы хотите утопить вашу душу. Ведь где-то в газете, где все канет в вечность, никто об этом не узнает, газета это на секунду, на один день, завтра никто об том не вспомнит. А все, что у нас, об этом будут писать".

И он был прав. "Современные записки" действительно рецензировались в эмиграции очень серьезно - в каждой газете появлялись отзывы, прямо отдельные большие рецензии на каждый из номеров, и даже не по одной рецензии, а, как правило, по две: отдельная рецензия на литературную часть и отдельная рецензия на общественно-политическую часть, где в подробностях разбирался каждый из номеров. А поскольку каждый номер "Современных записок" открывался произведением Бунина, то рецензенты начинали обзор именно с Бунина, и это был такой камертон, дальше продолжали уже в том же духе. Против Бунина никто сказать в эмиграции ничего не мог, за редчайшим исключением, и дальше уже соответственно под этим камертоном все остальное подравнивалось под Бунина. Так что здесь и "Современные записки" с этого

имели свою какую-то пользу, и Бунин тоже был всегда на коне. Единственный случай, когда Бунин затянул с подачей материала и редакция журнала написала ему, не выдержав: "Иван Алексеевич, поскольку вы никак не сдаете, а нам уже материал надо сдавать, можно мы Зайцева первым дадим, а вас потом?" Последовало такое письмо, оно не сохранилось, но можно себе представить, что там было. Во всяком случае, больше ничего подобного редакция себе даже мысли не позволяла, чтобы Бунин шел не первым. Он только что не рамочке, как Достоевский, там у них присутствовал. Вот взаимоотношения были примерно такие.

Но дело в том, что с Буниным вообще почти у всей эмиграции взаимоотношения были такие, они были немножко игровые. Те, кто не очень хорошо его знал, иногда даже удивлялся и обижался таким барским его манерам. Те, кто его знал очень хорошо, их это умиляло и, даже, забавляло. Вот на днях выйдет переписка Адамовича с Алдановым, полный корпус, там это все прямым текстом. Они очень часто упоминают Бунина. У Адамовича прямо открытое умиление этими бунинскими барскими замашками. Их это забавляло, они ничуть не видели в этом ничего зазорного, они понимали, что он, во-первых, такой человек, во-вторых, у него это немножко не всерьез. И в воспоминаниях Одоевцевой очень хорошо видно, как сам Бунин напускал на себя маску, начинал что-то кричать, стоило его немножко рассердить и рассмешить, он сам понимал, что он перегибает палку, сам смеялся над собой. То есть в нем это барство было неизбежное, но не шибко обидное, все прекрасно понимали. Если собеседник видел в нем того, кем он был на самом деле, признавая гения, разумеется, перед собой, то с ним можно было прекрасно разговаривать и не слишком обижаться на его амбиции.

Иван Толстой: Историки российской экономики хорошо знают имя Бориса Бруцкуса, но журнал "Современные записки" воспринимается все-таки как литературно-политический, художественный, эстетический, религиозный. Что делал Бруцкус в журнале, в каких отношениях он был с редакторами "Современных записок"?

Олег Коростелев: Журнал "Современные записки", помимо очень большого литературного раздела, имел не меньший по объему и, я бы сказал, не меньший по значению не беллетристический раздел, в который входили, помимо литературно-критических статей, еще и очерки, публицистика, статьи на темы экономические, политические, исторические и многие другие, вплоть до археологии или что-то о добыче нефти в каких-то странах. Между прочим, тоже очень интересные статьи, даже для литератора. Когда начинаешь все это читать подряд, то находишь столько интересного, а, главное, они написаны таким хорошим языком, чаще всего, что начинаешь понимать, что дореволюционные, а также эмигрантские экономисты, политтехнологи и общественные деятели тоже в каком-то смысле очень неплохие прозаики были зачастую. Даже военные деятели писали, подчас, очень хорошо.

Борис Бруцкус в этом смысле был неплохим пером и в литературном плане, и очень интересным мыслителем в плане экономики. Это, кстати, один из немногих экономистов, очень признанных на Западе и в 20-30-е годы, и до сих пор не потерявший своего значения. Другое дело, что для редакторов "Современных записок" он был как кость в горле. С одной стороны, они не могли его не печатать, понимая его значение, а, с другой стороны, он писал вещи, идущие вразрез с их заветными мечтами и замыслами. Дело в том, что Бруцкус одним из первых очень хорошо прочувствовал, продумал и прямо написал о вещи, которая казалась редакторам-эсерам крамольной, сакраментальной и, даже, нестерпимой и невыносимой. Он прямо сказал, что вы, конечно, журнал социалистический, но вы, почему-то, считаете, что большевики установили некий неправильный социализм, а я вам говорю, что это тот единственный социализм, который может существовать, будучи и оставаясь социалистическим, никакого другого вы сделать не сможете, и не надо об этом иметь иллюзий. На что эсеры просто захлебнулись, это было второй или третий раз в журнале, когда они это вычеркнули и поменяли на другой знак. Они всю жизнь боролись за светлое будущее, за социализм, большевики были для них узурпаторами власти, которые все исковеркали, покорежили и сделали не так, они должны были сделать по-другому. И, вдруг,

человек, занимающийся политэкономией социализма, говорит, что, нет, это оно то самое, чего вы и хотели. Не могли они такого стерпеть, поэтому роман у них получился очень односторонний. Бруцкус, как человек очень умный, все это прекрасно понимал и прямо им писал, что вы перестаньте коверкать мои статьи, вы либо печатайте то, что я пишу, либо мы с вами расходимся. Они стали печатать его через раз или с какими-то оговорками, но это был один из немногих случаев, когда они сказали тоже прямо, что этого мы перенести не можем, поэтому давайте вы нам будете писать на те темы, которые нас обоюдно устраивают, а вот этот вопрос для нас невозможен. Во всех остальных отношениях они его признавали как одного из ведущих экономистов, как одно из главных перьев и печатали до самого конца, за исключением этого вопроса, который они не смогли, видимо, додумать до конца и определиться.

Иван Толстой: Завершается этот огромный том, в котором почти тысяча страниц, очень небольшим разделом, отданным Владимиру Львовичу Бурцеву, который тоже переписывался с редакцией "Современных записок". А какие были у него, у этой "старой козы", как его называли, какие у него были взаимоотношения с эсерами?

Олег Коростелев: Бурцев, в сущности, всегда был достаточно одинок, любые его попытки вступать в коалиции с какими-то другими политическими силами всегда были временными и кончались, как правило, плачевно. Я думаю, это в силу его каких-то личностных качеств и темперамента в большей степени, чем по чему бы то ни было еще - все его стремления во всем и всегда находить какие-то происки различных провокационных сил. В сущности, он был чаще всего недалеко от истины, когда находил провокаторов почти во всех движениях как до революции, так и, тем более, после революции - все таки эмиграция была вся наспигована агентами ЧК, МГБ, НКВД и всех прочих наших органов, там даже нетрудно было и ошибиться. Когда человек говорил, что в вашем движении есть стукачок-казачок засланный, а это было практически всегда, за что его не любили, потому что трудно было любой партии признать, что они где-то просмотрели. А они просмотрели все - не было практически ни одной, где так или иначе не было бы такого человека. Но нелюбовь к нему объяснялась не только этим, но и еще какими-то качествами. Слишком он был запальчив, слишком его разоблачения были громогласны и малодоказательны, слишком он был ко времени эмиграции в большом возрасте и возраст сказывался. Много было причин. С эмигрантскими эсерами, а если быть более точным, то с эсерами группы "Современных записок", потому что эсеры в эмиграции раскололись на такое количество течений и фракций, что эсерами уже не были, а были просто политическими группами, осколками старых партий, которые вступали в самые разные коалиции с самыми разными силами, кто правее - с кадетами, кто левее - с меньшевиками, кто широкий объединенный демократический блок пытался организовывать, кто союз... И между собой она враждовали едва ли не больше, чем с теми партиями, с которыми враждовали раньше. С Бурцевым они тоже пытались и вступать в коалиции, и враждовали, и всяко. Сам Бурцев в "Современных записках", разумеется, не печатался, хотя попытался предлагать им дружеских ему авторов, но переписку вел и, судя по этой переписке, находил в них какие-то дружественные себе силы, поощрял. Не зря эта публикация так и называется - "В нас с вами много общего". И, надо сказать, они к нему относились тоже как-то по-дружески, поздравляли его с юбилеем, поощряли, привечали, но тесного контакта не получилось и получиться не могло - слишком он был политически запальчив, а они все-таки претендовали на какое-то представление широких сил эмиграции, причем не столько политических, сколько общекультурных.

Иван Толстой: Из ваших слов, Олег Анатольевич, я понял, что четыре тома, которые отведены для публикации переписки авторов с редакцией "Современных записок", это только четыре тома, а на самом деле можно было бы материал определить в какие-то

следующие тома. Что останется за рамками вот этого четырехтомного проекта, если приплюсовать к нему, так называемый, "нулевой" том, то есть аналитические статьи, посвященные истории журнала. Чем еще богата находка?

Олег Коростелев: Самое интересное в эти четыре тома войдет. Самые крупные авторы, естественно вошли. В проектах такого рода ведь существенно не только, какие письма найдены, но и кем из этих персонажей кто занимается, а, еще точнее, есть ли люди, которые занимаются теми или иными персонажами? Понятно, что Бунин, Набоков, Шмелев, Алданов - на них исследователи всегда найдутся, но ведь в любом журнале, особенно таком большом, есть персонажи малоизвестные, которыми не занимается никто никогда и, может быть, в ближайшее время не займется. На кого-то удастся найти автора, который подготовит публикацию. Скажем, Сергей Гессен, он небезызвестный человек, им занимаются, о нем диссертации защищаются, но найти авторов, которые бы подготовили, мы не смогли, пришлось делать самим. Но все сделать самим невозможно, все-таки каждый том по 90 листов, это выше физических сил двоих или, даже, десятерых человек. Тем не менее, самые интересные авторы здесь присутствуют, но кое-что осталось, по тем или иным причинам, за бортом. Во-первых, если не нашлись исследователи. Осталась за бортом такая Мельникова-Попоушек. Не так интересная как автор, скорее, она для "Современных записок" была "балластом", как ее называл Бицилли. Он откровенно писал редакторам: "А что вы ее печатаете?". Они обиженно говорили: "Да как же вы не понимаете?!" Дело в том, что Мельникова-Попоушек была женой того человека, Попоушека, через которого они получали финансирование из Чехии. На что Бицилли говорил: "Да я все понимаю, я просто говорю ... Я сам так же делал. Деньги - святое дело. Печатаете и печатайте". Но переписка - довольно крупный корпус из себя представляет и она могла бы быть интересна, хотя бы с точки зрения взаимоотношений с Чехословакией, с денежного вопроса. Кроме того, Мельникова-Попоушек писала много по чешской тематике, что само по себе интересно. Она не была блистательным автором, тем не менее, она была автором того времени, и уж не самым последним, прямо скажем, так что ее можно было подготовить. Но переписка очень крупная, она бы заняла не одну сотню страниц, а так как исследователя на нее не нашлось и места в томах, собственно говоря, не находится, нам тоже приходится немножко сокращать и всячески ужимать.

Потому что каждый том физически близок к тому, чтобы превысить норму для переплетчиков - еще несколько страниц и его нельзя было бы переплести. Поэтому приходится ужиматься в то, что есть. А пять томов, я боюсь, даже "Новое литературное обозрение", даже у него терпение рано или поздно лопнет, нельзя же напечатать все. Кроме того, там остается за бортом несколько мелких переписок не самых крупных авторов. Если все авторы у нас идут по алфавиту, то две крупных подборки идут тематически: это авторы-перебежчики, которые идут вместе, и поэты, от каждого из которых осталось два-три письма (все с Цетлиным). А поэтов много, если их разбросать, то получится, что в оглавлении крупные корпуса переписки, на 200 300 страниц, будут разбавлены переписками, которые содержат одно, два, три письма. Поэтому такие не очень крупные корпуса как переписка Ладинского, Довида Кнута, они объединены в один корпус поэтов. Так мы планируем.

<http://www.svoboda.org/content/transcript/24541642.html>